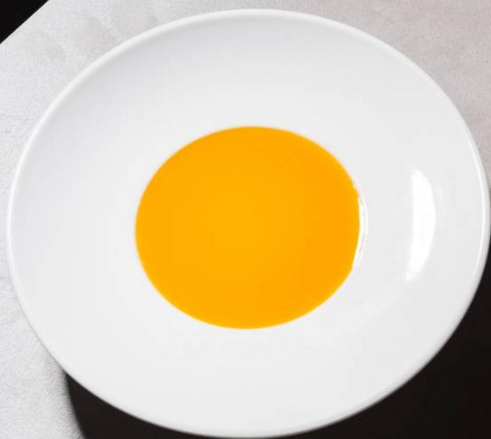

Сусанна Сэхи

**Дзен-буддизм в
приготовлении яичницы**

Сусанна Сэхи

Дзен-буддизм в приготовлении яичницы

<https://litres.ru/73791176>

SelfPub; 2026

Аннотация

Перед вами книга не рецептов, не анекдотов и не рассуждений о буддизме, но мне нравится, как это звучит в названии. "Допустим, - скажете вы. - А яичница тут при чём?"

Это олицетворение начал, простоты и вкуса к жизни. Трудно поспорить, что яйцами мы начинаем наши дни, они просты в приготовлении, их можно есть с чем угодно и они питательны, их подают на завтрак в кафе и ресторанах. Но здесь это не блюдо на сковородке, а собирательный образ бытия.

Книг с рецептами и без меня хватает. Здесь - философия лени, спокойствия, спонтанности, принятия или непринятия и некоторых сложностей, требующих бокала вина. Жизнь многомерна, и в ней есть место чувствам разного порядка, а то и полному хаосу как в голове, так и на кухне. Но, несмотря на все перипетии, кавардак и попытки причесать реальность, мы не забываем дойти до комнаты с плитой, где даём волю фантазии и желудку. Это и есть моя книга. Безрецептурное

существование, где главное - не терять дух к приготовлению блюда из повседневности.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Дзен-буддизм в приготовлении яичницы

Глава

*Рецептов хреновой жизни много, рецепт же хорошей жизни только один – безрецептурность. Я никогда не изучала психологию и не ставила себе задачу написать умную и позитивную книгу о счастье. Просто само собой получилось так, что я обнаружила своё неприятие рецептов и мне для этого ничего не потребовалось делать. Ещё в далёкие годы, когда я и окружающее общество таких же размеров ещё пешком под стол ходили, мне уже было скучно кучковаться, участвовать в эстафетах, позже я не понимала интересов людей в музыке, кино, досуге и многих других вещах. Безрецептурное существование у меня проявлялось в том, что я не знала, куда приткнуться и выглядела отщепенцем. Если говорить в рифму – все шли на дискотеку – я в библиотеку. Нет, ну самом деле эта рифма олицетворяет мою жизнь. Когда мне предлагали рецепты, по которым требовалось готовить своё повседневное бытие, даже не я их отвергала. Это было что-то внутри меня, восстающее против того, что мне

было не по вкусу. Быть отшельником там, где люди собираются в стаи, трудно, сложно и безнадёжно. Зато оно настоящее, это чувство одиночества, когда ты понимаешь, что никакие рецепты усвоить так и не смог. Конечно, приходилось бегать в мешках, идти на чьи-то дни рождения, работать там и сям, выполняя такие же функции, как у других. И всё равно – у меня это получалось плохо. Не выходило обманывать себя и делать вид, что мне нравится то или иное. Но, глядя вокруг, я убеждалась, что люди то ли с действительным удовольствием живут свою рецептурную жизнь, то ли просто не задаются вопросами, устраивает их всё это или нет. Я никогда не была инициативна – не хватало смелости и фантазии, так что меня попросту запикивали в какую-нибудь толпу или команду для участия в очередном дурацком конкурсе. Где-то в глубине души у меня бродили невысказанные мысли и желания, которые я не решалась облечь в устные формы и объявить где бы то ни было – в школе, на работе, в компании. Может, от моего молчания родилось стороннее мнение, что я то ли грустная, то ли угрюмая, то ли начитанная. Не могу утверждать на 100% эти предположения, но часто за моим молчанием или грустным лицом скрывался банальный зевок или скука, а вовсе не глубокомысленные рассуждения о природе бытия. Может, вся разница в том, что некто внутри меня бунтовал и бунтует по сей день. Немало идей сейчас направлены на раскрепощение человека и освобождение его от пут многих видов рабства. Они тоже предлагают ре-

цепты, но дело не в следовании конкретным установкам, а в проживании бунтаря внутри себя. Безрецептурное существование, наверное, зиждется на лени. Ведь даже для того, чтобы узнать приготовление какого-нибудь блюда, надо открыть книгу или сайт и вникнуть в подробности. Долгое время я заходила на кухню исключительно для того, чтобы поесть или взять бокалы под вино. Откровенные намёки вроде : ну ты же девочка, а мужа чем кормить будешь, а сама как жить собираешься – мне лень было слушать. Годы шли, менялась обстановка, появлялись и исчезали какие-то люди, а древний инстинкт к приготовлению пищи всё так же дремал во мне, не подавая признаков жизни.

И, волею судьбы, первым, что я приготовила, оказалась уха. Было мне двадцать шесть, дело было днём, делать было нечего, и, лёжа на кровати, я внезапно ощутила порыв. Был ли он связан с моим длительным ничегонеделанием на кухне или с тем, что мне захотелось покормить мужчину, или с тем, что с рыбой не нужно было возиться – она была уже разделана – во всяком случае, я встала, бросила рыбу в воду, по наитию посолила, добавила овощи, и получилась уха. У мужчины за ушами подозрительно затрещало, потом он мякнул и превратился в кота. Мне тоже понравилось. Суп был вкусный, а осознание, что сварила его я – ещё вкуснее. Таким образом продолжилось моё безрецептурное существование на кухне. В предисловии я сказала, что те, кто не умеют готовить, начинают с яичницы. Не припомню момента,

чтобы я когда-то училась жарить яйца или варить пельмени. Мне было настолько лень, что я не хотела у кого-то спрашивать советов и вникать в тонкости приготовления. Моё топорное ленивое мышление заключалось в рассуждении, что вот есть рыба/макароны/картошка в сыром виде, а надо сделать, чтобы они были горячими и съедобными. Так в чём вопрос? Кидаешь в кастрюлю и всего делов. На кухне мне хотелось торчать как можно меньше, потому что...правильно! Лень. Я не знаю, к насколько глобальным результатам может привести лень. Конечно, я не научилась готовить ничего уникального и трудного, но если мне будет угодно поесть что-нибудь необычное, то можно, в конце концов, раскошелиться на ресторан. А в стенах домашних хочется посвятить кухне максимум часик, а остальное время употребить на дуракаваляние. Я всегда искренне не понимала тех, кто без рецепта не может даже посолить. Все эти "добавьте полстакана сметаны", "сто грамм грибов", "ложка того-то на литровую кастрюлю"... Слишком сложно. Я даже толком не знаю, каким объёмом своих кастрюль располагаю. И я уж точно слишком ленива, чтобы пачкать стакан, которым требуется отмерять количество сметаны. У меня имеется кастрюля, продукты, два глаза и вселенская лень. Я беру всего по столько, по сколько мне кажется нормальным насыпать в кастрюлю. Всё это само собой варится и получается еда. Ей-богу, я не хочу лишних телодвижений. Рецепты – это готовые схемы. И прелесть их в том, что они защищают от неиз-

вестности. Страшно представить, что может получиться из случайных смешений продуктов в пропорциях, прикинутых на глаз. Но от своего нежелания лезть из кожи вон я и стала дзен-буддистом-пофигистом. От своей лени я так и не смогла вписаться ни в одну систему. Приглашали в Мормоновскую церковь – тоска взяла. Собралась увлечься Кришной – не пошло. Посетила русскую церковь – но и там не задержалась. И всякий раз, выходя из разных дверей, не могла понять : почему мне становится грустно, тоскливо, одиноко в толпе тех, кому весело, интересно и здорово, и почему во мне это состояние не удерживается? По-видимому, все эти рецепты тоже не для меня. Рецепт – это нечто устоявшееся. А я не могла нигде устоять. Я не могла себе представить, что раз за разом посещаю собрания кришнаитов, и мне это нравится. Нет. От раза к разу я могу побывать где угодно. Но ходить куда-то всё время... Не получилось у меня приобщиться и к фитнес-клубу. В очередном порыве я записалась на пробную неделю в фитнес-зал и была счастлива, когда наступил седьмой день. Почему? Да потому что стало так тоскливо, что я по сей день не понимаю, чем должен подпитываться интерес до бесконечности ходить в зал или вообще делать что-нибудь с одинаковой периодичностью. Я уговаривала себя, что мне тоже понравится, что это будет полезно/классно/развивающе – ничего подобного. Полезным и развивающим может быть то, что ты делаешь с искренним и детским, полуидиотическим упоением. Когда это состояние выветривается и остаёт-

ся обязательство или какие-нибудь ненатуральные причины – это не круто. С того знаменательного приготовления ухи я за неё не бралась больше ни разу. Просто как-то не бралось. Если бы мне пришлось варить уху каждый день или каждую неделю, думаю, я бы уже убила себя замороженной рыбой, чтоб не мучиться. Я бы опустила себе на голову десятитомник о Кришне, если бы мне пришлось посещать эти сеансы регулярно. Рецепты – постоянны. А мои настроения – увы. Или не увы?..

Я так и не научилась вставать спокойно ранним утром, чтобы идти на учёбу или работу. Я не научилась вязать, потому что это было несносно – ряд за рядом пыхтеть, выкручивая какие-то петли. Я не могу даже проделывать гимнастику, полезную для тела, и уж точно не смогла бы соблюдать никакую диету. Я попросту не могу удерживать в себе постоянство и готовность повторить. О да, я могу сделать гимнастику – когда чувствую потребность. Я могу сварить, нажарить и нацедить первое, второе и третье – если только мне захочется. Я как-то выходила даже на пробежку, что невозможно было представить – но тогда хотелось, и это стало пока что единоразовой акцией, как уха. Но дело, как по мне, не в системности, а в искреннем желании. Мои внезапные порывы приводили меня на жуткие карусели, к лежанию на траве посреди города, и к буйволу, на спине которого я сидела, пока он лежал в озере. В рецептах жизни нет места порывам, но без них жизнь становится пресной, как суп без

мяса. Само собой разумеется, что я никогда не придерживалась порядков в еде, и ела всё, что не приколочено. Вряд ли я могла бы жить там, где запрещена свинина, вряд ли я могла бы жить с тем, кто запрещал бы мне что-то. И дело не в том, что я такой уникальный протестующий. Мне лень запоминать правила жизни. Поэтому я по ним не живу. От своей безудержности я нигде не могла усидеть и устоять. В детстве скучно было осматривать зоопарк клетку за клеткой – хотелось увидеть слона, а остальное не так надо. Во взрослые годы лень осматривать всю выставку целиком. Но позволить себе уйти минут через пять – как-то обидно, некрасиво, да ещё и заплатил. Вот и слоняешься, не зная, где найти стул, чтобы скоротать время. Ну вам разве не знакомо? Борьба двойственностей происходит вечно. Вот ты приходишь в музей, и это такой досуг, требующий времени и внимания. Но тебе хоть убей неинтересно, и ты готов уже на шестой минуте выйти на вольный воздух и хлопнуть пивка в ближайшем баре. Но из многих причин ты шарахаешься из зала в зал, подавляя зевок и заложив руки за спину, потому что желаешь просветиться. Но больше просвещения ты в таком случае получишь в том баре, нежели в этом музее. И всё потому, что в музее тебя держат ненатуральные причины. Но что такое убитое время на выставке, если человек из нездоровых побуждений может и жизнь загубить, а не только вечер? Из подобных помыслов мы можем жить с неподходящим человеком и употреблять то, что не нравится, но счи-

тается полезным. Двойственность хочется/надо портит всё, в чём проявляется. Посудите сами. Вы припёрлись в музей. Вы смотрите мимо картин, незаметно чешете попу, собираете брови и вежливо слушаете пояснения экскурсовода. Вы ходите за ним как собачка на привязи, одолеваете лестничные пролёты, и перед вами в натуральную величину маячит бифштекс, который ожидает вас вечером в компании с друзьями. Вы наконец вываливаетесь из музея и единственное впечатление, которое выносите оттуда – это боль в колене, потому что оно хрустнуло, пока вы поднимались посмотреть на средневековые шедевры. Я не хочу сказать с презрением, что культурный отдых это ерунда, шедевры – фигня, а в целом – скука. Нет. Но каждому своё. Возможно, вы бы оторвались на картинге и вообще мечтаете стать гонщиком, и музей – это не в вашем жизненном пространстве. Так же как в моём жизненном пространстве нет места кефиру – вот не люблю я его. Мы каждый день пытаемся покорить свой личный Эверест – недостижимую верхотуру, где идеально всё : отношения, отдых, фигура. И странно – но совершенным ничего не становится, и яичница пригорает, и кофе убегает от нас, шипя и негодуя. Для жизни по рецептам требуется определённая уверенность, которой у меня не доставало. Я не была уверена в чьих-то предложениях и авторитетах, правильно ли что-то, настолько ли оно красиво, как говорят, и настолько ли оно нужно. Я вечно сомневалась, а чтобы жить по рецептам – сомнений не нужно. Я никогда не была настолько

уверена в идеях и в себе – что смогу их поддерживать и воплощать. Моя неуверенность привела меня к тому, что я решила – сделаю сама, что получится, то ладно. К неуверенности примешивалась боязнь – всё равно не смогу так, как другие... Я никогда не смотрю фото блюд, выставленных в интернете. Какими они должны быть. Я знаю, что у меня так не выйдет. И если я буду изо всех сил пытаться подражать – то изо всех щелей ползет разочарование. Так что я готовлю сама – случайно, бессистемно, странно. Я обращаюсь к рецептам, когда ну вот вообще без догадок, с чего начать и как это в целом. Тогда я открываю первую же страницу (в интернете, естессна! кулинарных книг мне ещё не хватало), быстренько читаю то, что мне нужно, и начинаю творить. Я слишком ленива, чтобы переходить по ссылкам, смотреть как у других, познавать разные способы... Если уж я пришла на кухню, чтобы приготовить, мне не терпится приступить. Я уже не хочу тратить время на информацию. Так было с глнтвейном. Я узнала минимум – что вино нельзя доводить до кипения. В следующую секунду у меня уже грелось вино в кастрюльке и готовы были фрукты. Я насыпала сахар и решила, что и мёд не помешает. Помешивая этот супчик, я бросила взгляд на перец, а в следующий миг бросила его туда же. И что получилось? Вкуснейший глнтвейн! Позже где-то на просторах интернета я дала краткое описание своего способа приготовления, и поняла, что люди очень заморачиваются. А какое должно быть вино для глнтвейна? А фрукты ко-

гда добавлять? А специи? А сколько сахара? Блин, ребят, вы трудните. Вино должно быть вкусным в сыром виде, тогда и глинтвейн получится супер. Сахар – по вкусу, вы же можете пробовать. Мёд – по желанию. Фрукты – как хотите. Можно в свежем виде, можно и с вином сварить. Ах да, гвоздика и корица – святая святых для глинтвейна. А остальное – на ваше усмотрение. К чему вся эта информативность? Положитесь на себя. Несмотря на минимальный опыт в готовке, и то проявившийся довольно поздно, я всегда не понимала : как можно приготовить невкусно или испортить блюдо? Если пересолить – да. А в остальном? Ну как можно испортить продукты, если они хорошие? Если это просроченные сосиски, это другое дело. Но что надо сделать, чтобы приготовить невкусно? Не понимаю. Не уметь готовить... Я даже не могу взять в толк, что под этим подразумевается. Я вообще не умела готовить, можете мне поверить. Ничего особенного я не умею и сейчас. Но я никогда не стремилась к идеалам и не знаю, как должно быть. Конечно, у меня слипаются макароны, разваривается картошка, вареники превращаются в жижу с прилипшими шкурками на дне. Но это дело житейское. Это не значит, что я не умею готовить. Это значит, что я прошляпила момент. И такие ляпы бывают не особенно часто и переживать о них незачем. Поразительно, но та секунда, когда я решила сварить уху, мне показалась какой-то естественной. Как будто я очень давно ничего не делала, но навык есть. У меня не дрожали руки, когда я пришла на кух-

ню. Всё сделалась быстро и без драматизма. Не уметь готовить – ну это то же самое, как не уметь завязывать шнурки. Однажды вы их завязали. Однажды вы также приходите на кухню и начинаете что-то делать. Это не конкурс на лучшего шеф-повара в мире. Это просто комната с плитой.

Человек, не нашедший себя в толпе, обычно выглядит страдальцем, которого не приняло общество. Но отщепенец необязательно желает быть принятым. Он видит, что его интересы и мысли не совпадают с большинством, и будь он даже в этой компании, ему там делать нечего. Я со своим грустно-угрюмо-начитанным лицом часто отсиживалась, не распознавая тем и шуток, в которые могла бы подкинуть что-нибудь своё. Старательно натягивая заинтересованный вид, я, однако, натыкалась на один и тот же вопрос : что такая грустная? Да не грустная я. Мне просто тускло в вашем обществе, – хотелось ответить с присущей мне прямолобостью. Хотелось, но не решалась. У каждого наступают моменты, когда хочется развеять тоску или убежать от себя. И тут ты собираешься с кем-то, кто тебе и вовсе не подходит, но ты хотя бы не один. Однако, я сильнее всего ощущала одиночество рядом с людьми, с которыми не могла ощутить комфорт. А расслабиться бывает трудно там, где все гогочут, а ты сидишь и не понимаешь, над чем. Трудно бывает расслабиться, когда твоё молчание принимают как твоё занудство или грусть, и рядом с теми, кто не в состоянии понять твоё состояние или оценить твои шутки. А если в людях трудно, скучно и непо-

нятно – зачем тогда туда стремиться? В собственном обществе порой закипают мозги. А в обществе других – закисают. Закисший мозг – как закисший суп. Портит настроение и пищеварение. Не бывает ничего печальнее предвкушения встречи или вкушения вкусного блюда, которое оказывается протухшим, как и человек, с которым встретился. Сразу теряется приличный кусочек смысла, который ты так старательно вкладывал в еду или в свидание. В одном из кафе-суши я несколько раз наблюдала одну и ту же картину за одним и тем же столиком – первое свидание. Трудно даже сказать, почему у меня всякий раз возникала такая уверенность, хотя присматриваясь, можно было обнаружить не бросающиеся сразу в глаза факторы : принаряженная девушка, преувеличенная заинтересованность, припудренные позитивом лица. И – чайничек чая на столе. Скорее, этот чайник я замечала раньше, чем человеческие проявления. И мне всегда было странно-грустно : а почему только чай? Может, существует какое-то негласное правило ничего не есть на первом свидании? В конце концов, не поесть ведь люди приходят, а друг с другом познакомиться. Но с другой стороны – а почему бы не поесть? Но это, наверное, и правда неудобно. Набив рот, трудно рассказывать о себе, да и вообще с незнакомым человеком трудно расслабиться за одним столом. Всё-таки совместное поедание чего-нибудь – как-то интимно. Ну или если вы уже родные лет сто, то там не интим и эротика, а обоюдное удовлетворённое сопение. Лично мои предпочте-

ния за столом, и теперь я говорю это смело – чтобы не лезли в мою тарелку. Существует явление, когда люди начинают во время трапезы обмениваться едой. А попробуй у меня, а дай откусить у тебя, а у тебя какой вкус, а у меня вот такой, а у тебя вкуснее... Я никогда не была любителем отрывать от своего кусочка кусочки для пробы остальным, и сама тоже не горю желанием залезать в чужие блюда и бокалы. Если вы заказали рыбу, а я грибы, сидите со своей рыбой, а я буду сидеть со своими грибами. И если мне невкусно, то сама виновата. В следующий раз закажу рыбу, как у вас. Меня просто трясёт, когда я в предвкушении берусь за тарелку или стакан, и тут мне говорят : ой, дай я у тебя попробую. Не дам. Почему считается разумеющимся явлением залезть в мою еду? Я выбрала то, что хотела. Если у вас там шпинат, а у меня мороженое, давайте каждый будет есть своё. Что вы ищете в моём бокале? Вы смешиваете вкусы, и предлагаете мне делать то же самое. Если я пью вино, мне не надо ваш виски. Если я ем мясной салатик, не приставайте ко мне со своими креветками. Если вы не уверены в своём выборе, идите закажите то же самое, что у меня. Соблюдайте субординацию в тарелках, чёрт вас дери. Не менее бесит романтика, которая выглядит, как поедание какой-нибудь длинной еды вроде спагетти или сосисок с двух концов. Сомнительная идея. Почему мне надо делить свою еду с кем-то? Она же моя. Я её выбрала. Нет, я не хочу у вас откусить, отщипнуть, зачерпнуть, глотнуть. Я хочу свою порцию и свой опыт, и даже спагетти для двоих

не кажется мне классной выдумкой. Если мне голодно, я хочу есть и поесть, а не играть в романтика или очень любознательного человека. Мне нравится есть гуся. Но я не хочу сама быть гусём, который щиплет с чужих тарелок. И других гусей в своей тарелке тоже не хочу. Разве что приготовленных. Довольно поздно ко мне пришло осознание, что сама от себя получить результаты я могу только не стремясь к ним. Хотя лень и управляла моей жизнью, но понять, что из соображений "надо" получится только невроз, у меня вышло относительно недавно. У человека ведь как : обязательства, растущие в геометрической прогрессии. Так много правил, которые надо соблюдать. В моей жизни, как я поняла, всё работает от противного. Не заставляй – и однажды я сделаю. Попытки приучить меня к готовке успехом не увенчались, но к плите я по собственной воле встала лет через прилично, и не терзалась мыслью, что это моя женская обязанность. Это пришло само собой. Так же как глаза однажды узрели грязный пол и захотелось сделать его чистым, так происходило и со многими другими явлениями. Человек набит понятиями, как должно быть. От этого возникают проблемы. У нас есть понятия о любви – и она нас разочаровывает. У нас есть примеры блюд или знаменитостей – и мы хотим подражать, стремясь к недостигаемому эталону, но упорно хотим достичь. Мы ожидаем на кухне, мы ожидаем в жизни. Пока я пыталась быть максималистом в своих взглядах или выпросить такие же вещи, как у других, меня ждало только смут-

ное недовольство от отношений с людьми и путанные желания получить то, что мне на самом деле было не нужно. Может, это обязательный период во взрослении, когда ты всё отрицаешь, всем недоволен и всё хочешь, как у кого-то. К этому примешивается и чувство собственной неполноценности, когда кажется, что не оправдал чьих-то надежд и так и не научился готовить себе суп. Но, глядя на себя и на остальных, я приходила к выводу, что эти ступени отваливаются, как у ракеты при взлёте. Например, талдычить двадцатилетнему лосю, что на улице холодно и надо носить длинный пуховик – бесполезно. К тридцати он сам, скорее всего, не захочет бегать в обдергайке до пояса. Но в двадцать мудростью можно довести до психоза, а не до понимания. Многие чувства, спящие ранее, начинают вдруг выколупываться, как цыплята – и тогда всё меняется. Ты вдруг знаешь, как держать в руках поварёшку, и что макароны можно сварить в сковородке, и уже меньше переживаешь о своих промахах. Смыслы, вложенные в перебранки по пустякам, преобразуются в созидание. Лень и тут хорошо помогает. В какую-то минуту внезапно понимаешь, какую прорву энергии затрачивал раньше на абсолютно незначительные вещи. Теперь становится уму непостижимо заниматься тем же. Пускай обстоятельства не меняются – всё готово втянуть тебя в привычный водоворот типичных сценариев – но ты уже не тот. Теперь уже слишком лень тратить свои потенциалы на переживания всё о тех же никчёмных вещах, и в голове крутится

только одно : пойду-ка я сварганю себе что-нибудь вкусненькое. Если выбирать, с чем сладить проще : с продуктами или с людьми, то безусловно с продуктами. В обществе бывало сложно вбросить реплику или среагировать на чей-то юмор. Но вбросить в яйца грибы, затвердевший сыр или брокколи не составляло труда, и ещё и съедалось с хрустом за ушами. Наверное, тот, кто не преуспел в налаживании социальных связей, преуспел в чём-нибудь другом. Не могу похвастаться своими гениальными кулинарными творениями на кухне, но и не припомню момента, когда я отчаивалась. Скорее, мне становилось смешно, как однажды, когда я решила пожарить фабричные котлеты. Взялась жарить. То ли потому, что с куриными котлетами мне иметь дело не приходилось, то ли ретроградный Меркурий, но котлеты стали гореть. Прилипнув к сковородке, даже не успев ещё подрумяниться, они всосали в себя всё масло, и я подлила воды. Отодрать их от сковородки это не помогло, но я была настроена их изжарить или умереть. Ободрав примерно половину шкурок, я снова подлила воды, хотя это планировалось позже. Вода не помогала. Котлеты горели. Мало того, они горели, оставаясь бледными и неаппетитными, как утопленники. Я начала закипать, хотя я не чайник. Затея с котлетами стремительно превращалась в утопию, но я человек творческий. Чтобы не ударить в грязь лицом, я плюнула, решила искромсать котлеты а-ля фарш, отварить макароны, и всё это подать под видом флотского блюда. Я соскребла останки котлет, выложила их в тарелку,

поставила макароны вариться, а сковородку взялась выдраить до блеска, чтобы на ней начать всё сначала. И тут выключили холодную воду. Мытьё жирной сковородки с котлетными лохмотьями под водой, от которой слазит кожа и вылазят глаза, оказалась тоже неудачной задумкой. Слава богу, хоть макароны не повели себя по-скотски. Убедившись в своём провале, я оставила кухню. Позже мама, не разобравшись в серьёзности ситуации, воскликнула : оу, дочь, ты приготовила еду? – Нет, мама, – сказала я бесцветным голосом, скорбно возведя глаза к потолку. – Я и с п о р т и л а еду. Готовят – большие дружелюбные женщины в колпаках. А я еду не готовлю. Я её либо ем, либо порчу. Такие чувства у меня были в тот момент. Но несмотря на такое ущербное положение, я не потеряла жизнерадостности. Однако, жарка котлет и картошки по-прежнему даётся мне с трудом.

Суть бытия, наверное, в том, что оно всё время пытается приучить нас к идее двойственности, поскольку именно эту идею нам принимать сложно. Мои убеждения в еде ломались буквально с треском. Я ненавидела щи и рассольник – теперь эти супы мои любимые. Я терпеть не могла фасоль – теперь ем так, что пальчики прикусываю. Я ни в чём не была так уверена, как в том, что никогда не стану есть морепродукты, и с некоторых пор только и мечтаю, чтобы отведать вкусно приготовленные мидии. Однажды меня поставили просто перед фактом – принесли пакет креветок, чтобы девочками скоротать вечерок за их поеданием. Мы пере-

глянулись – я и ещё одна, которые воротили нос от любых морепродуктов. Но нам приготовили креветки с чесноком. Что было делать? Мы решили аккуратно попробовать. Через двадцать минут нам показалось, что мы вообще никогда ничего вкуснее не ели. Жизнь преподаёт нам уроки и главный их смысл таков : всё меняется. Меняются вкусы в одежде, в еде, меняется мнение о других. Мы хотим цепляться за что-то устоявшееся и уверенно говорить – это хочу, это не люблю, этот такой, а вон тот – эдакий. Но осознанно или нет, я таки видела в раздражающих меня людях то, в чём они были молодцы. Я полюбила ту еду, которую раньше даже видеть не хотела. И всё это называется "вероятность". И подразумевает любые возможности. Например...

Однажды в Китае я гуляла и по пути зашла в магазин за штопором. Нашла себе красный нарядный, закинула в рюкзак и забыла об этом. Прогуляв весь день, к вечеру подумала : а не сходить ли в клуб? Настрой располагал. Заехала в гостиницу, переоделась и махнула тусить. В клубе было весело, вокруг китайцы и китайки за соседним столиком, боровшиеся с бутылкой вина. Не знаю, каким образом, но в клубе не оказалось штопора и официант разводил руками : мол, что делать. И тут я увидела свой рюкзак будто впервые. Он снова был со мной, мой неизменный товарищ. В прыжках через забор, в клубе и на прогулке – он был немым свидетелем и носителем самых разных вещей. Открываю его и достаю упакованный штопор. Глаза у китайнок европизиро-

вались. Так это я к чему. Иногда многие пути сходятся в той точке... И даже то, что быть не может, однажды тоже может быть.

Если вы когда-нибудь смотрелись в ложки или чайник, вы могли увидеть свою альтернативную внешность. Вероятно, существуют – с этим нельзя спорить. Скорее, можно усомниться в идее постоянства. Мир течуч, – говорили ещё давным-давно философы. Если связывать между собой кухню и жизнь, это очевидно. Мы привыкли искать чудес где-то, но не в повседневности. А между тем, я узрела небывалые фракталы в сковородке, где у меня экспериментально парились в соусе, собранном из остатков нескольких, овощи. Это поистине залипательно – когда под крышкой потеет и двигается суп. Когда дивными спиралями теряется в нём лавровый лист. Когда этот же суп кипит, словно зелье. Волшебство рядом. А я баба Еда, и занимаюсь алхимией – превращаю один вид еды в другой. Если мы так успешно преобразуем сырые яйца в горячую глазунью, а кофейные зёрна в душистую чашку любимого напитка, становится удивительно, почему мы не переносим ту же самую технику в наши взаимоотношения. Если мы хотим на ужин картошку, мы не грызём её сырую. Но если мы каждый раз натываемся на всё те проблемы в общении, то не меняем ничего. Никто не ломает зубы, пытаясь разгрызть ледяное мясо – всем понятно, что его нужно разморозить и приготовить. Но, находясь во взаимодействиях с другими, нам не приходит в голову, что

это тоже блюда, и некоторые из них требуют приготовления. Как в еде существует фаст, с которым не нужно возиться, так и среди нас есть те, кто не требует обработки – мы легко сходимся и понимаем друг друга. Но в большом количестве случаев нам попадаются те, с кем необходимо общаться или даже просто делить стол в столовой на работе. Это как пакет с орехами – все вроде хорошие, но нет-нет, да и раскусишь горький орешек. Вот она двойственность : не все орехи и люди нам нравятся. Но все мы перемешаны в одной упаковке. Те же горькие орешки бывает жаль выбрасывать – мы ведь за них тоже заплатили. Впрочем, я знала девушку, которая ловила определённый кайф именно от горелых орешков. Распознавала она там какой-то особый вкус. Что ж, бывает и такое.

Подпорченная еда может быть двух видов : такая, которую ещё можно использовать, и такая, которую надо, зажав нос, выбросить. Я до сих пор помню свой суп, сваренный из мной же сваренного чуть-чуть испорченного лечо. Прежде, когда я случайно, опять же в порыве вдохновения взялась за лечо, не имея понятия, как оно делается, я сварила его из помидоров без шкурок и бросила в кипящую томатную пасту болгарский перец. Выглядело аппетитно. Но у меня не было, конечно же, никакого желания и умения заниматься стерилизацией банок, да и банок, собственно говоря, у меня тоже не было. Поэтому моё лечо хранилось просто в чистой пятилитровой бутылке из-под воды. Нет, не пытайтесь предста-

вить эту бутыль, наполненную лечо целиком. Просто у меня не оказалось больше никакой посуды для хранения. В общем, всё это дело, конечно, стало портиться. Но лечо было на удивление вкусным и красивым, и я собиралась за него бороться. Известным методом против порчи продуктов является термообработка. Так что я придумала суп – вы уже догадались. Сварила уже варёный лечо с добавлением сопутствующих компонентов. Ей-богу, это был самый вкусный в моей жизни суп. Таким образом происходит и с людьми. Я видела злые и неприятные лица. Но вдруг на них находила улыбка – и они становились преображёнными. И оказывалось, что они вовсе не всегда такие, и могут быть очень даже ничего. Как тот мой суп. Но случается и такое, когда не надо мудрить или жалеть, а просто следует избавиться, иначе отравишься. Помню свой ужас, когда увидела и унюхала протухшее молоко. Это была вонь вселенского масштаба, а вид его... Я не знаю, что добавляют в молоко, но мне показалось, что из него сейчас вылезет чужой. Так что я не стала придумывать оригинальные идеи, куда это использовать. Опять же – так бывает и с людьми. За некоторых ты борешься, некоторых пытаешься понять. А есть такие – без которых лучше. Неподходящие ингредиенты потому что.

Удивительно, но простые вещи вполне могут оказаться сложными и даже невыполнимыми. Например, однажды я убедилась в своей неспособности сварить спагетти – они упорно слёживались кучками и бывали мало похожи на пас-

ту, которую подают в ресторанах. Казалось бы, что может быть проще отваренных спагетти или поджаренной картошки. Но именно эти блюда мне удавались с трудом.

В человеческих отношениях бывает так же. Время развивает привычку – незаметно для себя мы начинаем воспринимать близких людей как должное и общение с ними становится примитивным, требовательным, грубым. Мы уже не считаем необходимым задуматься о словах, которые произносим и о поступках, которые совершаем. Всё уже устаканилось и стало просто – так считаем мы. Привычка, наверное, одно из самых контрастных явлений, потому что оно может быть очень двусторонне. Можно иметь привычку делать по утрам гимнастику, что хорошо, а можно упустить жизнь, потакая привычкам. Привычно встал, привычно не выспался, привычно споткнулся о диван. Привычка это то, что может превратить всё бытие в рутину. И дело не только в том, что ты каждый раз покупаешь один и тот же набор продуктов, но и в более человеческом. Так, можно жить с человеком из привычки или из привычки с ним дружить. Однажды, может даже в детстве вы завели друга, и грех спорить – вы действительно были дружны. Но вот прошло лет (поставьте цифру сами), и вдруг обнаруживается, что протоптанная колея уже не то что протоптана, а давно провалилась. Но вы даже не представляете, как можно без этой колеи, хоть это и разруха, и уже не первый год. Но вам даже в голову не приходит, что можно, вообще-то, и... Ну нет, привычка слишком силь-

на в человеке. Настолько сильна, насколько это вообще бывает. Взять любое действие из своего дня – и узришь внезапно миллион привычек. А что, если взять друзей, жену, родственников с воскресными походами в гости? Взять, и осознать, что это тоже огромная часть привычки, а вовсе не искреннее желание быть вместе сегодня, и не только сегодня, а полжизни уже как. Но разве возможно представить себе, как это – просто оставить привычку? Уйти, отказаться, переменить? Нет, слишком страшно. Трудно, энергозатратно, обидно – для тех, от кого вы откажетесь. И ужасно для самого себя – ведь если нет привычного, на чём выстраивать жизнь? Привычки даёт нам ложную уверенность в себе и собственном бытии. Без них – кто мы, где мы, и с кем? Она парализует способность к радости, наверное поэтому так много недовольных. Что хорошего, когда живёшь в шаблоне? Нам кажется, что других вариантов и нет, ведь всё идёт как идёт – у каждого есть определённый распорядок дня, а он не даёт возможности для манёвров. Или даёт? Удивительно трудно бывает понять мысль, что жизнь не в будущем, а сегодня и сейчас. И не только понять и принять, а ещё и так жить. Так уж сложилось, что человеку легче находиться или в прошлом, сожалея и вспоминая, или в будущем, планируя. Между этими временами остаётся беготня, не заслуживающая внимания, но именно в ней и заложен потенциал. Какой смысл в прошлом и будущем? Там – ничего не изменить, а в другом там – ничего не знаешь. Но это нас не смуща-

ет. Как поётся в песне – есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется жизнь. Если на секунду задуматься об этом, становится странно : а что я тогда делаю в этот самый миг? Готовлюсь к будущему мигу? Он наступает, и служит мне трамплином для следующего, и так без конца? А жизнь тогда где? Где то, о чём поётся? Миг – потому что жизнь проходит вот прямо сейчас, а мы тратим его на подготовку к жизни, как будто это всё только репетиция. По мне, если сложить все попытки говорения об этом всём, вкратце можно обозначить так : важно всё, что ты делаешь. А не отдельные моменты, которым ты придаёшь ценность. Человек живёт большими скачками. Скажем, ты проснулся и знаешь, что тебе надо на работу, а всё, что до неё, только формальность – надо быстренько умыться, глотнуть чаю в положении между сидя и стоя, натянуть одежду и выскочить с мыслью не опоздать. Таким и живёшь каждый день, и он становится лишь набором функций, помогающим готовиться к следующему дню. Человек всегда к чему-то готовится. Он никогда не здесь. Важность дня сегодняшнего – вот идея, о которой так много трубят, но которой так трудно следовать. Важно останавливаться в случайную минуту и наблюдать за собой : ты сейчас набор функций и опять куда-то спешишь, или ты хочешь придать своему существованию собственный смысл? Нам всем хорошо заходит позитивная психология, мы киваем ей в такт : да, жизнь коротка, да, мы вечно торопимся, да, надо начинать жить по-другому. Киваем, и бежим опять.

Поразительно, как крепко в нас засело соображение, что все смыслы где-то в будущем, а пока, мы являемся только проектами для их осуществления. Всё потом, а теперь – надо бежать. Нет. Начинка не появится, пока её не приготовишь. Если знаешь, что молоко за два квартала лучше, чем возле дома в киоске, иди за два квартала. Иди – и в этом будет много разных смыслов, от физических до ментальных. Ты всегда откладываешь, всегда есть что-то важнее. Мы вечно делим явления на важные и неважные, если бы жизнь предстала в образе одного человека, она бы сказала : ты что, опух? Я вся важная вообще-то. Ты ведь каждую секунду дышать хочешь, а не через. Так почему ты живёшь через? Из каких соображений для тебя что-то менее важно, а что-то более? Представь, что нет ничего важнее, чем выпить хорошего молока. На сегодняшний день это важно. Хватит уже ждать, что этот магазин сам переедет к тебе поближе или говорить, что сейчас не до молока, или ворчать, что далеко идти. Ты проснулся сегодня и это, блин, важно. Не надо ждать, когда представится случай чего-нибудь достигать. Считай, что уже всего достиг. А теперь начинай жить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.